

A person with long blonde hair, wearing a brown, tactical-looking jacket and pants with a large backpack, stands on a rocky, dirt path. They are looking out over a vast, hazy landscape. In the distance, a city with many buildings and a tall tower is visible, nestled in a valley. The sky is overcast and grey. The overall atmosphere is somber and desolate.

Юрий Грач
Союз.

**Дрожь
земли**

Юрий Грач

Союз. Дрожь земли

<https://litres.ru/74138648>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где реальность треснула, а из-под земли лезут чудовища, рушатся не только города - рушатся связи между людьми. Старик до последнего пытается уберечь дочь и внука: по рации он твёрдо обещает, что придёт, велит уходить в горы, туда, где земля твёрже, а твари двигаются медленнее. Но в его голосе слышится надлом, и в этом обещании есть что-то такое, во что трудно поверить - будто он сам знает, что не сможет его сдержать.

Лиза прижимает к себе сына и слушает треск помех, цепляясь за каждое слово отца. Ей хочется верить, что он дойдёт, что всё ещё можно исправить одним долгим путём через руины. Но мир вокруг становится всё чужероднее, воронки на полях множатся, а из темноты всё явственнее проступает страшная правда: иногда самое искреннее «я приду» - это просто попытка уберечь любимых от последней, самой горькой надежды.

Содержание

Глава 3	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юрий Грач

Союз. Дрожь земли

Глава 3

"Отец".

Ракия хрипела, будто сопротивлялась каждому слову, вытalkingвая его из себя с усилием, сквозь треск помех и чужой, холодный шум, который теперь всё чаще пробирался в эфир.

— Папа, слышишь меня? — голос Лизы дрожал, срывался, и она тут же прижимала ладонь ко рту, чтобы сын не видел, как её трясёт. Маленький Артём сидел рядом, прислонившись к её боку, и делал вид, что ему не страшно. Он старательно раскрашивал карандашом старую карту, будто если он закончит все линии, мир снова станет понятным.

— Папа, ответь хоть что-нибудь Тишина тянулась невыносимо долго, тягучая, липкая, как тот туман, что уже третий день не уходил от окон их домика. А потом в наушниках щёлкнуло, и сквозь помехи пробился голос. Родной. Надломленный. В нём чувствовались слёзы, но он старался звучать твёрдо, так, как говорят отцы, когда хотят, чтобы дети не плакали.

— Слышу, дочка. Слышу тебя, Лиза. Как Пашка?

Лиза сжала губы, чтобы не заплакать самой, и тихо рас-

смеялась коротким, нервным смешком.

— Он рисует. Говорит, что прокладывает нам новый маршрут, где нет этих тварей.

У нас ещё есть еда, папа. Консервы, крупы, вода из колодца. Хватило бы надолго она запнулась, потому что сама поняла, насколько глупо это звучит.

— Но это всё ерунда, понимаешь? Ерунда. Они лезут из-под земли. Не как кроты, не как звери они как будто ломают землю. Вчера одна такая тварь пробила овраг прямо за сараем. Мы видели мы видели, как она уходит вниз, будто там, под нами, целый другой мир, и он хочет забрать наш.

Старик на том конце провода молчал. Только дышал тяжело, и в этом дыхании Лиза слышала не страх, а что-то гораздо хуже. Принятие.

В это время старик уже всё знал. Он стоял у окна своей квартиры на верхнем этаже, смотрел на город, который медленно растворялся в сером мареве, и чувствовал, как холод подбирается к его костям не обычный холод, а тот, что идёт изнутри. Он знал, что его тело скоро перестанет быть его телом. Что разум начнёт стираться, как надпись под дождём, и на его месте останется только инстинкт: искать, рвать, уничтожать. Он умирал не как старик, который просто дожил до конца. Он умирал как человек и знал, что после него останется только оболочка, способная причинять боль. Но дочери он этого не скажет.

— Лиза, послушай меня, — голос старика стал твёрже,

будто он собрал всю свою волю в кулак. — Не сидите на месте. Слышишь? У вас есть время, пока они ещё кружат вокруг города, но скоро они пойдут дальше. Вам нужно уходить. В горы. Там, где близко нет городов, где земля твёрдая и высокая. Там они двигаются медленнее. Лиза покачала головой, хотя отец не мог её видеть.

— А ты? Как ты? Ты сможешь добраться до нас? Мы подождём, папа, честно! Мы можем спрятаться в пещере, ты же знаешь ту, у старого карьера Старик закрыл глаза. Перед внутренним взором встала картинка: он идёт по улицам, и с каждым шагом его тень становится длиннее, тяжелее, а в груди разрастается пустота, которая уже не заполняется воспоминаниями. Он не дойдёт. Ни за что не дойдёт, не став одним из них.

— Я в порядке, дочка, — солгал он спокойно, почти убедительно. — Я соберу вещи и пойду. Но вы не ждите. Уходите прямо сейчас. Пока у вас есть силы. Пока Артём может идти сам. Он хотел добавить ещё что-то про то, что любит их, что гордится, что всё будет хорошо. Но слова застряли в горле, потому что он не имел права обещать то, чего не мог исполнить.

— Папа — тихо позвала Лиза, и в этом «папа» было столько детского, беспомощного ожидания, что старик едва не выронил рацию.

— Иди в горы, Лиза, — повторил он, и голос его дрогнул только на секунду. — Это приказ. Мой последний при-

каз. Рация снова захрипела, и в этот момент в комнате старика что то щёлкнуло, тихо, почти незаметно, как будто внутри него сработал какойто чужой механизм. Он отшатнулся от окна, прижал руку к груди, чувствуя, как по венам растекается не кровь, а ледяная, чужая сила. Лиза опустила рацию на колени. Треск в динамике стал ровным, густым будто эфир окончательно опустел, и теперь в нём не осталось ничего, кроме белого шума. Она посмотрела на сына, и в груди защимило так остро, что на секунду стало трудно дышать. Страх накатывал не волнами он стоял внутри сплошной ледяной стеной: Павел ещё так мал, ему нет и семи, он должен был бояться темноты, а не воронок в земле; должен был просыпаться от грозы и прятаться к маме под одеяло, а не учиться сидеть тихо, чтобы его не услышали те, кто ползёт снизу.

— Он придёт, — тихо, почти шёпотом, сказал Павел, будто если сказать это достаточно уверенно, оно станет правдой. — Дедушка же обещал.

Лиза сжала губы, чтобы голос не дрогнул. Она не хотела лгать сыну, но и правду обрушить на него прямо сейчас было нельзя. Правда была слишком тяжёлой, она бы просто придавила его к полу.

— Да, — сказала она. — Он придёт. Но дедушка знает, что тут опасно, поэтому он велел нам не ждать. Он велел идти в горы. Значит, мы пойдём. Мальчик поднял на неё глаза — большие, тёмные, в которых ещё держалась надежда, хрупкая, как тонкий лёд.

— А если мы уйдём, а он придёт, а нас нет? Он же расстроится. В этот момент у Лизы покатались слёзы. Тихо, без всхлипов, просто одна за другой, по щекам, на воротник куртки. Она чувствовала всем своим существом: она больше никогда не увидит отца. Ни в горах, ни в городе, ни на пороге этого домика. То «я в порядке», то твёрдое «я приду» было последней попыткой уберечь её от этой самой секунды — от понимания, что спасения не будет, что каждый из них теперь должен спасаться сам. Но Павел не должен был этого знать. Не сейчас. Может, вообще никогда.

Лиза быстро провела ладонью по лицу, стирая слёзы, и наклонилась к сыну, притянула его к себе, крепко обняла, прижала его голову к плечу, чтобы он не видел, как у неё на секунду потемнело в глазах

— Дедушка не расстроится, — прошептала она, и голос её чуть дрогнул, но она удержала эту дрожь, не дала ей превратиться в рыдание. — Дедушка всё понимает. Он умный. Он знает, что если мы останемся, то — она запнулась, подбирая слово, которое не напугает слишком сильно, — то эти твари могут нас найти. А если мы будем в горах, он нас найдёт. Обязательно. Она отстранилась, заглянула Павлу в лицо, провела ладонью по его волосам, приглаживая непослушные вихры

— Мы соберём рюкзак. Возьмём только самое нужное. Тёплые вещи, немного еды, воду. И карту. Ты её дорисуешь в дороге, ладно? Нарисуешь, где мы прошли, чтобы дедушка

мог нас найти по твоим линиям. Павел кивнул, стараясь выглядеть взрослым и серьёзным. Он поднял карандаш, сжал его в кулачке, будто это было оружие, способное отпугнуть любую опасность.

— Ладно, — тихо сказал он. — Я буду рисовать.

Лиза встала, стараясь не шуметь, хотя шуметь было не перед кем: в доме стояла тишина, нарушаемая только треском радиации и их дыханием. Она подошла к шкафу, достала два рюкзака — один большой, второй совсем маленький, детский. Начала быстро, но аккуратно складывать вещи: тёплые свитера, шарф, который дедушка когда то связал для неё, аптечку, спички, фонарик. В отдельный карман положила банку тушёнки и плитку шоколада, не для себя, для Павла. Пусть хоть что то будет похоже на нормальную жизнь.

Пока она собирала, Павел сел у окна, придвинул к себе карту и снова начал водить карандашом. Пометил деревню «Колодезное», сделал еще какие то отметки понятные только ему. Только теперь он не раскрашивал, а чертил линии — от домика к холмам, от холмов к перевалу, который он видел однажды. Он ставил крестики там, где, по его мнению, могли быть укрытия, и маленькие солнышки там, где будет безопасно.

Лиза посмотрела на него, и на секунду её руки замерли, а дыхание сбилось. Этот мальчик, который пытался нарисовать им безопасный мир, был её единственной причиной не сдаваться. За окном туман стал гуще. Он уже не просто сте-

лился по земле он будто давил на стёкла, пытался пробраться внутрь, узнать, кто ещё остался живым. Где то далеко, за пределами видимости, раздался низкий, протяжный стон — такой, будто сама земля жаловалась на тяжесть того, что в ней шевелилось. Лиза вздрогнула, но тут же взяла себя в руки. Она застегнула рюкзак, проверила, крепко ли держится пряжка на ремне Павла.

— Всё, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мы готовы.

Павел поднял на неё глаза.— А рацию возьмём? Вдруг дедушка снова выйдет на связь? Лиза помедлила. Ей хотелось оставить её здесь, как будто это был якорь, который удерживал надежду. Но она знала: если они уйдут, рация не поможет. Если дедушка не сможет прийти, никакие слова в эфире этого не изменят.

— Возьмём, — кивнула она. — Но пока не будем включать. Пусть заряд сохранится. Если дедушка выйдет на связь, мы услышим.

Они стояли посреди комнаты, два собранных рюкзака лежали у порога, будто ждали только команды: «Пошли». Но Лиза не давала этой команды. Вечер опускался на дачный массив тяжёлым, плотным покрывалом, и с каждой минутой воздух становился гуще, тяжелее, будто сам мир набирал в грудь воздуха перед криком. И тут Павел зевнул — тихо, по-детски, прикрыв рот ладошкой. Глаза у него уже слипались. Лиза вдруг поняла: идти сейчас, в сумерках, когда

тьма ложится на землю, а вместе с ней просыпается и то, что живёт под ней, — это не спасение, это самоубийство. Днём эти твари были, да. Они ползли, оставляли борозды, вспучивали землю. Но днём они двигались медленнее, будто дневной свет их тормозил, выматывал. А вечером, с приходом настоящей темноты, они будто напивались ею, становились быстрее, злее, голоднее. Лиза медленно расстегнула пряжку на детском рюкзаке.

— Знаешь, Паш, — тихо сказала она, присаживаясь рядом с ним и кладя руку ему на плечо. — Сегодня уже поздно. Мы пойдём завтра. С рассветом. Когда будет светло. Павел посмотрел на неё с облегчением, в котором не было ни капли стыда просто ребёнка, которому разрешили ещё немного побыть в безопасности. — Правда? — спросил он.

— А мы точно пойдём завтра?

— Точно, — твёрдо сказала Лиза. — Завтра. На рассвете.

Она помогла ему снять куртку, уложила на узком диване, укрыла двумя одеялами сразу. Павел тут же свернулся калачиком, подтянул колени к груди, положил голову на свёрнутый свитер и уже через минуту дышал ровно, сонно. Карандаш он не выпустил — так и держал его в кулаке, будто даже во сне собирался дорисовать ту самую безопасную дорогу. Лиза посидела рядом, пока его дыхание не стало глубоким, настоящим. Потом тихо встала, подошла к окну и осторожно, едва-едва, отодвинула край занавески. Дачный массив тонул в сумерках. Дома стояли тёмными коробками, буд-

то вымершие. Лиза знала, что на краю массива есть ещё люди. Она не знала их имён и фамилий к сожалению, они никогда толком не общались: она держалась особняком, а они, наверное, считали её нелюдистой. Уже пару дней она их не видела, да и сама старалась не выходить из дома после того, как появились эти новые монстры. Теперь тишина между домами стала не отчуждением, а вынужденным правилом выживания: не смотри, не зови, не выдавай себя. Вечер окончательно вступал в свои права. И вместе с ним — то, что жило под землёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.